

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

МНЕ НУЖЕН

Вел. Москва - 2001 18 апр с 11

ТОЛЬКО СТУЛ

Если интервью может быть предвзятым, то это самое предвзятое из тех, что мне приходилось делать. Признаюсь в этом решительно и беспощадно. И если вы в отличие от меня не замираете от голоса этого человека, на которого так и хочется надеть корону или треуголку, и если у вас не возникают в голове картинки, когда он рассказывает о балах и заговорах, коронациях и интригах, не читайте это интервью.

Юлия ГРИБОНОСОВА

Дома он такой же, как на экране. Наверное, потому, что в кадре ведет себя абсолютно естественно. Недаром Гоголь так подробно описывал вещи в доме — они правдиво расскажут об их хозяине все, так что если хотите скрыть, что вы за птица, не зовите к себе в дом гостей. Если б Гоголь попал в гости к Радзинскому, наверное, он почувствовал бы себя очень уютно. В рабочем кабинете писателя поселилась история: она расселась в старинных тяжеловатых кожаных креслах, облокотилась о рабочий стол по виду как раз времен Гоголя, с диковинной антикварной лампой, она замерла у полок с дореволюционными книгами в кожаном переплете. Старый французский роман, и на первой странице дамский почерк: Марина Цветаева. А на другом стеллаже тесно прижимаются друг к другу книги самого писателя, изданные в разных странах, великолепно оформленные, на всевозможных языках. Даже странно как-то видеть изображение Распутина на обложке в обрамлении иероглифов. А рядом две статуэтки Орфея разрываю себе грудь, глядя друг на друга, — высшие телевизионные награды «ТЭФИ».

В этом самом кабинете с вполне музейным интерьером мы и беседовали о творчестве «телеисторика», писателя и драматурга.

— После того как прошел новый цикл вашего телевизионного исторического романа «В России все секрет и... ничего не тайна», можно сказать: Эдвард Радзинский продолжает свое триумфальное шествие в эфире. Можно ли объяснить успех фильма тем, что это не просто рассказ об истории, а такая тонкая аллегория, которая имеет непосредственное отношение ко дню сегодняшнему: смена власти, политические авантюристы....

— Нет, это всего лишь исторический роман на телеэкране. Только создает его на экране один человек — он сидит и рассказывает, а впечатление (должно быть) такое, будто мы видим на экране много людей — он как бы немного перевоплощается в своих героев.

Это по форме. А по задаче — это начало огромного сериала. Я буду рассказывать о ключевых моментах, о роковых поворотах русской истории, широко извест-

ных... или непонятых, не замеченных современниками. «Блажен кто посетил сей мир в его минуты роковые».

— Вы начали с XVIII века...

— Это век, когда Россия «прорубила окно в Европу», апофеоз этого века — время Екатерины. Я выбрал роковой миг века — смерть Екатерины и попытался рассказать о ней, как сейчас говорят, в режиме реального времени. Т.е. передать это словами тех, кто находился во дворце в эти смутные минуты. Рассказ ведут очевидцы событий: граф Ростопчин, граф Алексей Орлов, князь Чарторыйский и т.д. И мы вместе с ними оказываемся во дворце и смотрим на все их глазами. Мы испытываем их страсти, их волнение... Похоже ли это на современность? Ну конечно. Дело в том, что люди весьма мало изменились: они поменяли одежды, но пороки не менялись. И смена правителей всегда одинакова: появляется новый фаворит — и горе старому, и те же подлость и угодничество у трона, и те же великие надежды людей, далеких от трона. Только в описываемой эпохе дело еще усугубляется тем, что это самодержавие....

А абсолютная власть развращает абсолютно. Как писал наш поэт: «Льстецы, льстецы, умеете сохранить и в подлости осанку благородства!» Но благородство невозможно сохранить в подлости....

Так что рассказав о символе русского золотого века — о Екатерине, я перешел и к другой героине золотого века, но уже золотого века авантюристов. Это история так называемой княжны Таракановой.

Я попытался рассказывать документально об этой востину фантастической женщине: кто она была, кто стоял за безумным ее предприятием, и, конечно, коснулся и главной дворцовой загадки — версии о подлинной дочери императрицы Елизаветы и ее трагической судьбе.

— Что вам помогает в ваших рассказах?

— Еще один герой в этой серии — музыка XVIII века. Музыка — это строй души, дыхание времени, ритм времени... Она незаметно возвращает нас в ушедший мир. И, конечно, подлинные документы. Впервые я ими пользовался прямо в кадре... Это знаменитые документы из секретного кабинета Екатерины, мемуары, собственноручно написанные Екатериной, которые хранили за «семью

печатами» все русские цари... и, наконец, — следственное дело о самозванке... Я хотел передать это потрясающее ощущение, когда вы прикасаетесь к ним, когда вы чувствуете иное энергетическое поле... руки тех, кто их создал... как бы соединение рук через столетия. И еще — я попытался на экране больше соответствовать своим героям. К примеру, весь рассказ о смерти Екатерины я имел право рассказывать как прежде, не вставая со стула.

Но княжна Тараканова никогда не сидела на месте. Как и положено великим авантюристам, она непрерывно двигалась по Европе... разбивая сердца и состояния.

...Калейдоскоп столиц, бегство и погони... Венеция, Рим, Лондон, Париж. И я вынужден был покинуть привычное кресло и двигаться вместе с ней. Так что впервые мне приходится вести рассказ с улиц великих городов, где разворачивалась ее история: Венеция, Пиза, Рим. В этих городах время остановилось — так что все, что она видела, видел и зритель...

— В чем секрет Эдварда Радзинского? Неужели никто до вас не видел этих «секретных» исторических документов?

— Там нет открытий, там главный интерес в методе... Это не научная лекция. Есть много людей, которые могут читать исторические лекции на ТВ и хорошо это делают. Но я делаю совсем иное. Я не рассказываю выученный материал — я импровизирую. И все мои разгадки приходят ко мне на глазах у зрителей...

Все это глупости, когда пишут, что я играю, я актер. Я ужасный актер! Если меня заставят сыграть в театре, у меня ничего не выйдет. Просто я в этот момент там живу, там разговариваю.

Ну к примеру... Я был уверен, что мрачный закат екатерининского царствования — это испуг перед революцией усталой старой Екатерины. Плохо, когда великий правитель живет мало, но куда хуже, когда он переживает самого себя... Но во время записи, рассказывая шаг за шагом ее жизнь, я понял совсем другое. Существовал некий незримый союз европейских либералов — это Вольтер, великие французские энциклопедисты и просвещенные монархи Фридрих Великий, австрийский император Иосиф, шведский король Густав... Эти монархи могли воевать друг с другом, но у них были некие общие ценности — великие идеи французских философов, идеи просвещения. И вот в Париже свершилась Революция, в основе которой и были идеи великих французских философов. И революция эта тотчас обернулась безостановочным убийством, террор стал повсеместным, и все преступления абсолютизма представились детским лепетом по сравнению с тем, что выдвигали якобинцы и Робеспьер. Так поступали последователи ее любимых Монтескье и Вольтера, в некотором роде ее единомышленники, превратившиеся в беспощадных убийц. И она пережила духовную драму. И судьбы Радищева, Новикова — весь мрачный конец ее царство-

вания — результат этого духовного кризиса. И прав ее современник, говоря: «Если бы Радищев написал свое произведение 10 лет назад, она его бы приветствовала». Ведь это были идеи просвещенной Екатерины: разоблачение жестокости «плохих помещиков», облегчение крепостного права...

— Вы знаете, о чем вы расскажете зрителям в следующем фильме?

— Никак не прогнозирую. Есть такой ход — рассказывать о событиях истории, а на самом деле через историю — о сегодняшнем дне. Исполняя формулу «История — политика, обращенная в прошлое»... Этого я никогда не делаю. Я просто рассказываю то, что меня волнует сейчас. Меня по-прежнему волнует кровавая французская революция и гибель галантного века. Я написал повесть «Игры писателей» об этом. Разговоры Шатобриана, маркиза де Сада и Бомарше, подводящих итоги столетия. И телесериал о Екатерине и княжне Таракановой — всего лишь продолжение волнующей меня сегодня темы. Мне говорили, что это вряд ли будет рейтинговая передача. История Екатерины, уже сто раз рассказанная, столько раз написанная и бесконечно всем знакомая. Но меня это вообще не интересовало. Меня интересовало — рассказать о роковой минуте мира, о конце эпохи одной и приходе совсем другой...

— И в результате — хороший рейтинг.

— Да, смотрело много людей.

— Глядя, как легко и свободно вы рассказываете о событиях давно минувших дней, странно думать, что это импровизация. Как вам это удается?

— Я записываю по 2 серии враз, не вставая со стула, и если серия 39 минут, я записываю максимум 42, т.е. почти сколько же, сколько видит зритель, т.е. практически это прямой эфир. Как я это делаю, не знаю. Я вообще не все могу объяснить. Ну, вот видите, у меня лежит несколько книг, моя дневная норма не меньше 2 книг в день. Я читаю абзацами. Объяснить, как это делается, я не могу. В школе я вообще был уверен, что так читают все. Одновременно я пишу несколько работ. Только что вышел «Распутин», а

сейчас уже выходит «Наполеон». Большая книга, ее издает «Вагриус», а напечатает журнал «Октябрь». Сколько я ее писал? Всего — год... и всю жизнь... есть такая формула. Я никогда не делаю секрета из задуманного, я могу спокойно объявлять заранее все, что буду писать или

рассказывать и в передачах.

— У вас есть какие-то фирменные приемы?

— Все это глупости, когда пишут, что я играю, я актер. Я ужасный актер! Если меня заставят сыграть в театре, у меня ничего не выйдет. Потому что я совсем не актер. Просто, повторяюсь, я в этот момент там живу, там разговариваю. Я абсолютно свободен перед камерой, она на меня не производит никакого впечатления. Я не могу сказать, что ее как будто нет. Наоборот, когда она зажигается, я чувствую себя лучше.

— И к кому вы обращаетесь в этот момент, с кем говорите?

— Приблизительно 2—3 минуты я общаюсь с камерой, потом я уже общаюсь с собой. Если хотите — начинается «сочинение прямо сейчас на глазах у зрителей», вариант «За стеклом». Потому что я на глазах у всех живу, правда, в другом времени происходит.

— Свообразный театр одного актера...

— Да, но это скорее театр одного писателя, который вынужден быть и режиссером, и актером, но на самом деле я всего лишь писатель, который придумывает перед камерой. Там нет никакой режиссуры и постановки. Там есть стул, на который я сажусь. И все!

Радзинский Эдвард

18.4.02.